

О ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Академик А. Л. Нарочницкий

Теоретические и методологические основы современных советских исследований по истории международных отношений в общем философском плане — это диалектический и исторический материализм, теория марксизма-ленинизма, научного коммунизма. В более конкретном историческом плане — это теория социально-экономических формаций и социальных революций, включающая анализ эпох, характеризующих процесс перехода от одной социально-экономической формации к другой, и в особенности современной эпохи — как переходной к социализму и развивающейся под знаком успехов нового, социалистического общественного строя. Категория эпохи как периода истории, отличающегося восходящим развитием новой социально-экономической формации и определенного общественного класса, упадком и кризисом ранее господствовавшей социальной системы, имеет большое значение в марксистско-ленинской методологии истории.

Общеизвестно, что теория и методология конкретных наук разрабатываются не только философией, но и ими самими. Конкретные науки, являясь по отношению к философии специальными, могут, в свою очередь, выступать как методологические по отношению к еще более узким областям исследований. Научное положение, закон, категория, схема или модель структуры или процесса приобретают методологическое значение, когда они играют направляющую роль в процессе дальнейшего познания и практического преобразования действительности. Методология включает в себя теоретические итоги всего предшествующего развития науки, осмысленные и переработанные в логику современного научного познания, а также в новые творческие идеи.

Научно обоснованные общие понятия, формулировка закономерностей, модели или схемы развития общественных явлений рассматриваются в советской историографии как отражение общих свойств реальных объектов и процессов, сочетающихся в действительности с индивидуальными особенностями конкретных событий. Это отличает марксистскую методологию истории от субъективистских теорий познания, видящих в общих категориях и моделях социальных структур, отношений и процессов только лишь конструкции нашего ума. Разумеется, необходимы и возможны схемы или модели эвристического или прогностического значения, играющие до их верификации роль гипотетических конструкций.

Существенная черта марксистско-ленинской методологии истории международных отношений — это стремление познать общие закономерности их развития в неразрывном единстве с особенностями их конкретных проявлений. Заметим, что и на Западе сейчас постепенно утрачивает влияние неокантианский взгляд на историю как набор только индиви-

дуально неповторимых явлений, усиливаются поиски общих схем и «моделей» исторического развития, в чем сказывается или влияние марксизма, или же воздействие современного неопозитивизма и социологии на некоторых представителей зарубежной историографии.

К вопросам теории и методологии науки и ее отраслей относится определение ее предмета, границ и связей со смежными сферами познания. Можно констатировать, что понятие о предмете и задачах истории международных отношений и изучение их современного развития значительно обогатились и в течение веков прошли путь от представлений о войнах, торговых и дипломатических отношениях между отдельными государствами, сначала эпизодических, а затем постоянных, к более широкому и комплексному отражению реального развития многосторонних международных связей и противоречий, охватывающих все более широкие сферы жизни народов и государств современного мира.

Современные международные отношения рассматриваются советскими учеными как сложная и противоречивая совокупность экономических, политических, юридических, военных, идеологических, культурных взаимоотношений между народами, государствами, системами государств с различным социальным и политическим строем, а также между другими действующими на международной арене политическими, культурными и общественными силами и организациями¹. Отметим, что принцип классового анализа внешней политики государств различных исторических периодов, объяснение ее внутренней социальной структурой государства, исходя прежде всего из интересов его господствующих классов или социальных групп, разумеется, с учетом определенной международной обстановки, является неотъемлемой чертой марксистской методологии изучения международных отношений на всех этапах их развития.

Важное значение имеет проблема, в какой мере и при каких условиях внешняя политика господствующих классов может отражать интересы всего народа, а в национальных государствах — всей нации в целом. Такое сближение интересов в определенных рамках может происходить, если речь идет прежде всего о передовом восходящем классе эпохи, например, буржуазии в период утверждения и победы буржуазного строя над феодальным в ходе революционных и национально-освободительных войн XVI—XIX веков. Передовые слои класса помещиков также могли в известной степени возглавлять ведение освободительной войны против агрессора, пример чему дают войны европейских государств против наполеоновской империи после порабощения ею ряда жизнеспособных самостоятельных государств Европы. Так было во время Отечественной войны 1812 г. в России, освободительной войны 1813 г. в Германии и т. д. Освободительной, отражавшей общенациональные интересы была борьба народов капиталистических стран против фашистской агрессии. Но во всех этих случаях господствующие классы обычно преследуют и свои особые, захватнические и реакционные цели и нередко сдерживают проявления патриотической борьбы народа. Таким образом, и в этих случаях не может быть речи о полном совпадении или слиянии внешнеполитических интересов антагонистических классов в «единый поток».

Советские историки подчеркивают, что каждой социально-экономической формации и каждой исторической эпохе присущи характерные черты международных отношений и дипломатии, соответствующие определенному уровню развития производительных сил, существующим со-

¹ См. «Международные отношения после второй мировой войны». Под ред. Н. Н. Иноземцева. Т. I. М. 1962; Д. Г. Томашевский. Ленинские идеи и современные международные отношения. М. 1971; Р. И. Косолапов. Международные отношения и социальный прогресс. «Вопросы философии», 1974, № 5.

циальным и политическим структурам и степени развития международного общения². Разумеется, в рамках статьи нет возможности проанализировать типичные черты международных отношений всех периодов мировой истории и излагать все полученные при этом важные в теоретическом и методологическом отношении обобщения. Важно лишь подчеркнуть основное.

Анализ дипломатии античного мира и средневековья показал, что древний мир отличался преобладанием во внешней политике интересов господствующих классов и социальных групп рабовладельческих государств, нередко отличавшихся весьма сложной социальной структурой. Феодалные государства средневековья и начала нового времени дают картину ярко выраженного господства дворянско-династических и церковных интересов в их внутренней политике и международных делах.

В конце средневековья и в первые столетия нового времени, то есть в XV—XVIII вв., впервые в мировой истории в Европе в основном сложилась система крупных суверенных централизованных национальных или многонациональных государств, связанных постоянными дипломатическими отношениями, и впервые в соответствии с этим появились попытки систематизации норм международного права. В XVII—XVIII вв. против преобладания одной державы (Испании, затем Франции) впервые вырабатывались принципы политического равновесия, баланса сил в международной политике и широкое развитие получили военные коалиции. Господствующие дворянско-династические интересы абсолютных монархий были главным содержанием выдвинутого в это время принципа «государственного интереса» (*raison d'Etat*), все более отождествлявшегося с узкими интересами дворянско-династических верхов во время упадка абсолютизма.

В противоположность политике абсолютных монархий просветители XVIII в. и буржуазные революции, особенно Великая Французская революция 1789—1794 гг., внесли в международные отношения принцип верховенства нации, революционный патриотизм и революционные освободительные войны. Они выдвинули идею национальной внешней политики вместо дворянско-династической. Нация и национальные интересы при этом довольно откровенно понимались как в основном буржуазные. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к известному памфлету Э. Ж. Сийеса «Что такое третье сословие?» (1789 г.). Во Франции идеологи буржуазии противопоставляли нацию сословному обществу. Идеи отечества и патриотизма выдвигались в противоположность узким интересам дворянства и династии и получали освободительное значение. Критика династических войн из-за престолов и «наследств» и пацифистские идеи «вечного мира» у просветителей второй половины XVIII в. были также направлены против дипломатии и войн абсолютных монархий и играли прогрессивную роль.

В противовес мелким и ничтожным конфликтам государей, особенно в раздробленной Германии, идеологи буржуазного Просвещения выдвигали космополитические идеи мирового гражданства и политики, основанной на интересах всего человечества. У французских просветителей эти идеи выражали веру во всемирное значение «естественных» принципов их философии и сочетались с уверенностью в ее высоком всемирно-историческом призвании. Подобно пацифизму, идеи буржуазного космополитизма конца XVIII в. были распространены главным образом среди части интеллигенции. Идеология буржуазии была прежде всего связана с идеями нации и национального буржуазного государства. Там, где буржуазия овладевала властью или складывались государства, основанные на совместном господстве помещиков и буржуазии, вскоре об-

² См. коллективный труд советских ученых, подводящий итоги многочисленных специальных исследований: «История дипломатии», Тт. I—V. М. 1959—1975.

наруживались собственные завоевательные устремления буржуазии, а дипломатия и войны приобретали агрессивный характер (как это произошло, например, при Наполеоне I). Буржуазный национализм и космополитизм использовались и в дальнейшем для оправдания притязаний буржуазии отдельных стран на европейское и мировое господство или мировую торговую гегемонию.

Эпоха буржуазных революций и войн, продолжавшаяся в Западной Европе до 70-х годов прошлого века, была временем борьбы и компромиссов между буржуазной и дворянско-династической политикой в международных отношениях. В международной сфере со времени первых буржуазных революций стали взаимодействовать государства с различным социальным строем — феодальным (дворянско-помещичьим) и буржуазным. Против буржуазных революций европейские монархи провозгласили принцип контрреволюционной интервенции под предлогом охраны «порядка» и принцип «легитимизма», сформулированные в конце войн против наполеоновской империи. Как известно, контрреволюционная интервенция широко применялась участниками «Священного союза» — духовными отцами современных «теоретиков» международных отношений под флагом политики «с позиции силы» и под лозунгом сохранения «баланса сил».

Важно подчеркнуть, что почти весь методологический арсенал понятий и концепций, которыми оперировала историческая литература XIX и начала XX в., сложился на основе схематично обрисованного выше процесса развития международных отношений. Например, консервативная дворянско-буржуазная историография, в частности немецкая (малогерманская), применяла идеи «государственных» и «национальных» интересов, истолковывая их как интересы Прусской монархии. Либеральные и демократические историки внешней политики объясняли ее главным образом идеологией политических деятелей — борьбой освободительных идей против реакции. Они широко использовали принцип суверенитета нации или идею разделения власти между нацией и монархом. Идеи космополитизма в середине XIX в. сочетались с пропагандой фритредерства и мировой торгово-промышленной гегемонии Англии.

Историография последней трети XIX и начала XX в. принесла новые модификации понятий национальных и государственных интересов в связи с влиянием концепций бонапартизма («демократический цезаризм»), усилением агрессивного национализма (шовинизма) и погоней за колониями. Оправдание колониализма и агрессии в европейской и американской историографии международных отношений этого периода получило широкое отражение в различных философских, экономических и юридических концепциях. Характерной чертой этого времени явилось влияние на внешнюю политику реакционных концепций расизма, геополитики. В Германии была выдвинута доктрина, объявлявшая фактор политической географии определяющим началом внешней политики государства. Геополитическая доктрина служила средством оправдания территориальных захватов, выдвигала ложный тезис о якобы географически детерминированной необходимости борьбы за «жизненное пространство». В этом усматривалась «борьба за существование» в ходе истории. Сама война, истолковываемая как биологическая борьба рас, объявлялась философами и политиками империализма естественным состоянием общества³. Известно, какую роль впоследствии сыграла идея борьбы за господство так называемой арийской расы в идеологии и политике фашизма⁴. Расистская доктрина фашизма имела целью отвлечь народные

³ F. Nietzsche. Der Wille zur Macht. Werke. Bd. 15. Leipzig. 1901; Th. Roosevelt. The Strenuous Life. Essays and Addresses. N. Y. 1902, p. 20.

⁴ П. Н. Федосеев. Проблемы мира в современной социологии. «Вопросы философии», 1967, № 1.

массы от классовой борьбы, одурманить их ложными иллюзиями о превращении всей немецкой нации в «расу господ», правящую другими народами.

В связи с военными блоками последней трети XIX и начала XX в. широко разрабатывались идеи политического равновесия. На первое место выдвигалось соотношение армий и флотов как фактор силы во внешней политике. Рост милитаризма происходил с небывалой быстротой. На общественное мнение и на политику правительств влияли новые реакционные и агрессивные доктрины пангерманизма, панславизма, паназиатизма (Япония), «очевидной судьбы» (США) (*manifest destiny*) и т. д. Все эти концепции вполне отвечали периоду империализма, в который мир вступил, по определению В. И. Ленина, на рубеже XIX и XX вв. вместе со складыванием господства капиталистических монополий в жизни наиболее экономически развитых стран. Названные агрессивные доктрины нашли широкое отражение в публицистике и историографии капиталистических стран. Вместе с тем в исторической литературе долго держалась традиционная манера создавать «дипломатические истории», написанные в отрыве от проблем экономики и социальных противоречий, сводившие историю дипломатии к тому, «что один клерк сказал другому». Нередко такие труды лишь затушевывали подлинные причины колониальной агрессии и военных конфликтов. Весьма часто экономическая, географическая и политическая литература полнее раскрывала причины войн и колониальных захватов, чем такого рода исторические труды.

Принципиально новые идеи о международных отношениях были выдвинуты основоположниками научного социализма. Еще социалисты-утописты начали критику агрессивной внешней политики капиталистической эпохи. На классовую основу эта критика была поставлена К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они убедительно вскрыли классовую сущность внешней политики дворянских и буржуазных правительств, показали их реакционные, захватнические цели, выступили против национального и колониального гнета. В противовес национализму и буржуазному космополитизму они выдвинули идею международной солидарности рабочего класса, дали критический анализ буржуазного фритредерства как орудия британской мировой торгово-промышленной гегемонии. Они выработали теоретические основы для определения позиции коммунистического движения в вопросах международной политики.

Некоторые западные социал-демократические историки конца XIX и начала XX в. подвергали империализм и колониальную политику критике, но эта критика часто не была последовательной и оставляла место для идеализации колониализма и перехода на позиции социал-шовинизма. Немалый вклад в критику колониализма и империализма внесли мелкобуржуазные авторы, отражавшие антирестовские настроения (в США) и отрицательное отношение к господству финансового капитала. В Англии это был, например, Д. Гобсон⁵. Направление это развилось и в США⁶ и в других странах. Однако работы представителей этого течения нередко страдали неправильной и упрощенной трактовкой вопросов. Их авторы, отмечая влияние на политику отдельных трестов и других монополий, особенно фабрикантов оружия, часто упускали из виду более широкие связи между экономикой и политикой, господство капиталистических монополий в целом как основную черту империализма.

Новым этапом в развитии марксистской интерпретации международных отношений явились труды В. И. Ленина. Опираясь на идеи

⁵ J. A. Hobson. *Imperialism. A Study*. L. 1902.

⁶ См. И. П. Дементьев. *Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.)*. М. 1973.

К. Маркса и Ф. Энгельса, он исследовал связь внутренней и внешней политики, создал теорию империализма как монополистической стадии капитализма, выяснил воздействие капиталистических монополий на внешнюю политику. Складывание мирового рынка и всемирное распространение колониальной экспансии капиталистических держав, завершение раздела мира к концу XIX в. означали завершение формирования мировой системы империализма и колониализма.

Изучению международных отношений, анализу закономерностей их развития В. И. Ленин уделял большое внимание еще в конце XIX века. В книге «Развитие капитализма в России», в работах «Заметка к вопросу о теории рынков», «Еще к вопросу о теории реализации» он подверг критике народническую концепцию, согласно которой развитие капитализма якобы обязательно сужает внутренний рынок. Вместе с тем он подчеркнул, что капиталистическое производство, особенно при наличии в стране пережитков феодализма, неизбежно ведет капитализм и к поискам внешних рынков. В. И. Ленин писал, что капитализм может развиваться двумя путями: «в пределах данной вполне заселенной и занятой территории» (развитие «вглубь»), а также может иметь место «расширение капитализма на другие территории (отчасти совершенно незанятые и заселяемые выходами из старой страны, отчасти занятые племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма)» — развитие «вширь»⁷. Выделение второго пути развития капитализма сделано было В. И. Лениным на основе исследования конкретных данных определенного периода развития капитализма в пореформенной России. В. И. Ленин отмечал «могучее стремление развитого капитализма расширяться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть... в водоворот мирового капитализма». «Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью, — писал он в работе «Китайская война», — очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги»⁸.

В этом высказывании ясно виден учет социально-экономических факторов при анализе событий внешней политики, подход к политике и экономике как к двум неразрывным сферам общественной жизни, которые взаимно обуславливают и влияют друг на друга, причем решающая роль в конце концов остается за экономикой. Впоследствии, в 1918 г., это положение было сформулировано В. И. Лениным в известном тезисе: «Политика есть концентрированное выражение экономики»⁹. В. И. Ленин подчеркивал, что полностью «самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики... государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов...»¹⁰. Выведение основных тенденций во внешней политике в конечном счете из экономического развития как один из основных принципов методологии ленинского анализа международных отношений наглядно прослеживается уже в первых ленинских работах.

В. И. Ленин обосновывал необходимость анализа внешней политики в тесной связи с рассмотрением проблем внутренней политики. «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»¹¹ — так четко сформулирован этот

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 85.

⁸ Там же, стр. 86, 379.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 278.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 327.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 93.

основополагающий принцип в работах более позднего периода, но применялся он В. И. Лениным при исследовании международных отношений и в работах самых ранних. Общее, в конечном счете определяющее влияние внутренней политики на внешнюю не следует смешивать с проблемой «примата» внешней или внутренней политики в каждом отдельном случае в ходе истории отдельных государств и народов. Известны факты гибели и возвышения государств и народов в результате завоевания, то есть «внешнего фактора», но в конечном итоге и в этих случаях исход военных столкновений решался уровнем и характером внутреннего развития государств.

Стремление к агрессии, захватам В. И. Ленин объяснял интересами эксплуататорских классов, рассматривал войны как продолжение определенной внутренней политики господствующих классов. Надо подчеркнуть, что В. И. Ленин не просто взял идею известного немецкого военного теоретика К. Клаузевица о том, что война есть продолжение политики иными средствами, а внес в это положение новую, классовую интерпретацию, с позиций исторического материализма вместо идеалистического и внеклассового подхода к политике у Клаузевица.

Учет диалектической взаимосвязи внешней и внутренней политики при определяющем влиянии последней позволял В. И. Ленину давать четкий научный анализ международных отношений, оценивать их не по одним словесным заявлениям глав государств и дипломатических представительств, а по их действиям и соответствию этих действий интересам тех или иных классов. Развивая мысль о выведении основной тенденции во внешней политике из социально-экономической структуры и интересов господствующих классов общества, В. И. Ленин шел от разбора отдельных тенденций и событий во внешней политике капиталистических государств к рассмотрению всей системы межгосударственных отношений современной ему эпохи, к исследованию характера и содержания этой эпохи — к исследованию империализма.

Характерная черта метода В. И. Ленина при изучении системы международных отношений в начале XX в., и в частности в годы первой мировой войны, — это учет всех основных данных эпохи. Он считал необходимым брать «не примеры и не отдельные данные... а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав *и всего* мира»¹². Выхватывание отдельных фактов из системы международных отношений и построение выводов на основании отдельных явлений В. И. Ленин считал совершенно недопустимым. Для понимания войны 1914—1918 гг., писал он, «...мы должны прежде всего бросить общий взгляд на политику европейских держав в целом. Надо брать не отдельные примеры, не отдельные случаи, которые легко вырвать всегда из связи общественных явлений и которые не имеют никакой цены, потому что так же легко привести противоположный пример. Нет, надо взять всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из этой системы неуклонно и неизбежно вытекла данная война»¹³. Очевиден из этого системный характер подхода В. И. Ленина к изучению международных отношений.

Капитализм, уже в силу самой своей природы связанный с международным разделением труда и образованием мирового рынка, складывался как мировая социально-экономическая система (формация), приводя к неизбежному увеличению роли международных отношений в жизни общества. Особенно роль и значение международных отношений повысились в эпоху империализма, когда отношения между государствами стали всеобщими и универсальными в силу потребностей внутренне-

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 304.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 80.

го развития самого общества, в котором начали господствовать монополии и финансовая олигархия, делящие мировые рынки, закончившие территориальный раздел мира и ведущие борьбу за его передел, то есть когда капитал стал «империалистическим и монополистическим».

Диалектический анализ империализма как целого позволил В. И. Ленину охватить весь этот процесс, во всей совокупности, учесть, что связи и взаимодействия отдельных государств образовали систему отношений между ними. «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств», — подчеркивал В. И. Ленин. И в другой работе: «Люди живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия»¹⁴. В этих словах ярко выражен ленинский подход к международным отношениям именно как к системе (а не просто совокупности), основной особенностью которой является развитие по определенным законам, присущим только ей или однотипным ей системам.

Как известно, В. И. Ленин начинает исследование империализма с анализа развития капиталистических монополий. Все признаки империализма, которые он отмечает, «раскрывают разные стороны господства монополий»¹⁵. Империализм осмысливается им как неизбежная ступень развития капитализма. Такой подход позволил совершенно четко и определенно поставить вопрос о движущих силах внешней политики империалистических государств, о ее содержании как борьбы за экономический и политический передел мира. Таким образом, анализ империализма В. И. Лениным приводит к пониманию международных отношений этой эпохи как противоречивой динамичной системы, одной из закономерностей развития которой является неразрывная связь внешней политики любой страны с политикой внутренней, их диалектические отношения. Это позволило охватить систему международных отношений начала XX в. со свойственной им политикой реакции и агрессии.

Поскольку эта политика сводится к борьбе за раздел и передел мира, инструментом ее осуществления, писал В. И. Ленин, является сила, которая служит основанием для дележа, но «сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития... при капитализме быть не может»¹⁶. Отсюда вытекал вывод о неизбежности войн за передел мира. В этой связи В. И. Ленин вскрывал внутренне агрессивную природу военных блоков периода империализма. Он писал, что мирные по своей внешней форме союзы на деле «подготавливают войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»¹⁷.

Большое внимание В. И. Ленин уделил освещению различных типов войн. За основу их научной классификации В. И. Ленин принимал принцип классового, конкретно-исторического подхода, объективно существующие классовые и национальные признаки войны. Он указывал на недостаточность таких критериев, как «наступательный», «оборонительный», «ответный» характер войны, и подчеркивал, что «война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы... задолго до войны»¹⁸, и именно в соответствии с оценкой этой политики, а не с тем, кто первый начал войну, необходимо рассмат-

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 139; т. 42, стр. 59.

¹⁵ Л. А. Леонтьев. Ленинское исследование империализма. М. 1964, стр. 145; Г. Ф. Руденко. О ленинской методологии исследования империализма. М. 1961, стр. 32.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 417.

¹⁷ Там же, стр. 417—418.

¹⁸ Там же, стр. 269.

ривать и войны. «Все дело в *системе* политических отношений перед войной и во время войны», — отмечал В. И. Ленин. Исходя из этого, он выделял основные типы войн, отмечая одновременно определенную условность классификации, неправомочность шаблонного подхода («войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная»). «Война, — писал он, — законна со стороны угнетенной (нации. — А. Н.) (все равно, оборонительная или наступательная в военном смысле)». Бывают войны между двумя угнетающими нациями — это их борьба за колонии, рынки и т. п. Войны империалистические за раздел и передел мира между капиталистическими государствами В. И. Ленин, как известно, определял как несправедливые, захватнические, и обосновывал для пролетариата тактику революционного пораженчества в такой войне. Его анализ является строго историческим. «Нельзя понять данной войны, не поняв эпохи»¹⁹, — подчеркивал он. В развитии буржуазного общества В. И. Ленин различал эпоху «сложения буржуазно-демократического общества и государства» и эпоху «вполне сложившихся капиталистических государств... с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии»²⁰. Этим двум эпохам, указывал он, соответствуют и два основных типа войн: «*Национальная война*: сплотить национальную территорию как базу развития капитализма, смести докапиталистические остатки. *Империалистская война*...» Сравнить два эти продолжения политики — «значит сравнивать аршины с пудами»²¹.

Вместе с тем ленинская классификация войн строго конкретно исторична. «Эпоха есть сумма разнообразных явлений, в коей кроме типичного есть *всегда* иное», — отмечал В. И. Ленин и подчеркивал, что и «в империалистическую эпоху *могут* быть и «справедливые», «оборонительные», революционные войны»²², войны национальные, гражданские, в защиту социализма. Так, существование в империалистическую эпоху национальных войн связано с тем, что, во-первых, при определенных условиях, которые отнюдь не невозможны, «национальная война *может* превратиться в империалистскую и обратно», во-вторых, с тем, что «не только вероятны, но *неизбежны* в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний», и, в-третьих, с тем, что «даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными». Как известно, В. И. Ленин считал войну Сербии в 1914 г. национально-освободительной, что не меняло, однако, общеглобального империалистического характера первой мировой войны. Но войны против империалистических держав, принимающие национально-освободительный характер, в эпоху империализма, подчеркивал он, «не только возможны и вероятны, они неизбежны и *прогрессивны, революционны*»²³, как, например, войны против колониального гнета.

В годы первой мировой войны В. И. Ленин сформулировал закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма, показав, как эта неравномерность ведет к борьбе за передел мира. То, что основу для формирования политических союзов империалистических держав и борьбы за передел мира В. И. Ленин вскрыл в неравномерном развитии капитализма в империалистических странах, позволило ему объяснить первую мировую войну исторически, из коренных черт империализма, а не из каких-либо извечных «фатальных предначертаний» или «природной агрессивности» человека. В. И. Ленин исходил из социально-экономической основы империалистической борьбы за передел мира²⁴.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 344, 369—370, 287.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 264.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 363, 226.

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 287, 288.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 5, 6, 8, 9.

²⁴ А. А. Ахтамзян. Разработка В. И. Лениным научных основ международной политики. «В. И. Ленин и советская внешняя политика». М. 1969, стр. 46.

Логическим следствием ленинского исследования империализма явился вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. К этому выводу В. И. Ленин пришел на основе изучения неравномерности экономического и политического развития отдельных стран. Обостряющаяся в условиях этой неравномерности борьба империалистических государств за передел мира создает невозможность прочных блоков империалистических государств и возможность прорыва цепи империалистического господства в его наиболее слабом звене, там, где объективные и субъективные предпосылки социалистической революции в своей совокупности оказались наиболее эффективными. Противоречия между империалистическими государствами и неустойчивость их блоков лишает их возможности сплотиться против такого прорыва сил революции. Исходя из всего этого В. И. Ленин заключает, что при империализме «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», что в эпоху империализма «социализм не может победить одновременно во всех странах». Социалистическую революцию, подчеркивал он, следует рассматривать не как единовременный акт, а «как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций»²⁵. Победа социалистической революции в одной стране мыслилась им как начало новой эпохи в мировом революционном процессе и во всемирной истории в целом. Такую победу социалистической революции в одной стране В. И. Ленин считал возможной, если страна эта достигла хотя бы среднего уровня развития капитализма и обладает достаточными ресурсами и территорией, как то было в России, если в этой стране сформировались революционные силы, способные прорвать фронт империализма и выстоять против него.

Принципиально важным для методологии истории и теории международных отношений является вытекающий из ленинских положений вывод о том, что стране, в которой победит социалистическая революция, придется в течение некоторого времени оставаться в окружении капиталистических государств. Социализм, писал В. И. Ленин, «победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»²⁶. Следовательно, необходима была разработка принципов отношений между социалистическим государством и его капиталистическим окружением. В принципе в самом ленинском выводе о неизбежности одновременного существования государств двух систем заключено понимание отношений между социалистическими и капиталистическими государствами как отношений сосуществования. Важнейшим условием быстреего закрепления победы социалистической революции В. И. Ленин считал выход из империалистической войны и заключение всеобщего справедливого, демократического мира без аннексий и контрибуций.

Буржуазные историки до сих пор пропагандируют несостоятельную версию об «экспорте революции» как цели советской внешней политики. Можно назвать десятки авторов, выдвигающих это положение, в том числе Э. Гудмана, Л. Фишера и др.²⁷. Английский автор М. Макинтош в духе этой версии подразделяет внешнюю политику СССР довоенного периода на два этапа: 1) с 1917 по 20-е годы — политика «экспорта революции»; 2) с 20-х годов до начала второй мировой войны — политика

²⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 354; т. 30, стр. 133; т. 26, стр. 352.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 133.

²⁷ W. Welch. Soviet Foreign Policy. American Images of Soviet Foreign Policy. New Haven and L. 1970; E. R. Goodman. The Soviet Design for a World State. N. Y. 1960; L. Fischer. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917—1941. N. Y. 1969.

«самозащиты», то есть принятие мер для того, чтобы «быть в состоянии играть свою роль в борьбе за власть в Европе и на Дальнем Востоке». Его соотечественник известный историк Э. Карр более осторожен, но и он необоснованно приписывает Советскому правительству курс на «экспорт революции» с 1917 до осени 1920 года²⁸.

Важнейшей чертой периода новейшей истории, наступившего с 1917 г., явилось распадение мира на две социальные системы — социализм и капитализм, совершившееся в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Новый общественный строй сразу же показал свою огромную жизненную силу и творческие потенции, одержав победу в неслыханно трудных условиях над внутренней контрреволюцией, интервенцией и блокадой. Социалистическая общественная система сразу же заявила о себе в сфере международных отношений. Советское государство в первые же дни существования словами ленинского Декрета о мире возвестило о принципах своей миролюбивой внешней политики, призвав все народы ко всеобщему справедливому и демократическому миру. Призыв этот не был тактическим приемом, а отражал действительный курс на мирное сосуществование с капиталистическими государствами.

Такие ленинские принципы внешней политики социализма, как защита социалистического Отечества, социалистический интернационализм и мирное сосуществование, получили выражение во внешней политике Советского правительства с момента его возникновения. Авторы, приписывающие В. И. Ленину и Советскому правительству проведение до 1921 г. курса на мировую революцию посредством искусства «экспорта революции», сознательно искажают ленинскую внешнюю политику Советского государства. Разумеется, В. И. Ленин был сторонником победы социалистической революции и в других странах, особенно в Германии, но уже с 1915 г. исходил из возможности победы социалистической революции сначала в России, как отдельно взятой стране, и неизменно следовал этой идее, стоя во главе Советского государства²⁹. С самого начала, отвергая тайные договоры с империалистическими правительствами, В. И. Ленин учитывал необходимость сохранения добрососедских отношений с окружающими Советскую страну государствами. Советское правительство уже в 1917—1919 гг. старалось восстановить и наладить экономические связи с капиталистическими, особенно нейтральными, странами, например, Швецией и Данией³⁰. О том периоде, «когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства», В. И. Ленин в сентябре 1919 г. говорил американскому корреспонденту Мак Брайду³¹.

Дальнейшее развитие принцип мирного сосуществования получил на Генуэзской конференции, где по указанию В. И. Ленина народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин подчеркнул, что «в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления»³². Но капиталистическим

²⁸ М. J. Mackintosh. Strategy and Tactics of Soviet Foreign Policy. L. 1962, pp. 1—3; E. H. Carr. A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution. 1917—1923. Vol. III. L. 1953.

²⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 351—355; см. также «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918 г.». М. 1958, стр. 168—169, 229—231.

³⁰ См. В. А. Шишкин. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л. 1969.

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 197.

³² И. Горюхов, Л. Замятин, И. Земсков. Г. В. Чичерин — дипломат ле-

государствам была чужда мысль о мирном сосуществовании с социалистической страной³³. Известные «14 пунктов» В. Вильсона, провозглашенные уже после ленинского Декрета о мире, по форме выдвигали ряд либеральных и демократических принципов, но это был только камуфляж: эти 14 пунктов были истолкованы советником Вильсона полковником Э. М. Хаузом³⁴ как программа расчленения России с признанием контрреволюционных правительств на ее территории. Капиталистические страны взяли курс на интервенцию и блокаду, проводили против Советского государства политику создания «санитарного кордона» из реакционных режимов в сопредельных странах Европы. На Генуэзской конференции западные державы отклонили советские предложения, основанные на равноправии двух противоположных систем собственности — социалистической и капиталистической — в международных отношениях. Известно, что политика интервенции окончилась провалом. В 1924—1925 гг. последовала полоса дипломатических признаний Советского Союза. Однако США еще долго продолжали свою политику непризнания СССР. В 30-х годах главной ударной силой империализма против социалистической системы стали пресловутый «Антикоминтерновский пакт» и блок фашистских государств. Их захватнические и контрреволюционные цели прикрывались кампанией клеветы по поводу мнимой «угрозы» советской агрессии.

Нет ни малейшего основания считать, что провозглашение молодым Советским государством политики мира являлось с его стороны пропагандистским приемом или попыткой замаскировать свои действительные намерения, как это утверждают многие западные буржуазные историки. Если перечислить основные задачи во внешней политике, которые стояли перед Советской властью в первые годы ее существования (заключение всеобщего и демократического мира без аннексий и контрибуций, выход России из войны посредством мирного договора с Германией, когда заключение всеобщего мира было сорвано державами Антанты, всемерное продление мирной передышки, ликвидация интервенции и восстановление мира со всеми странами, обеспечение длительного и прочного урегулирования со всеми странами), то «нетрудно убедиться, — как писал акад. В. М. Хвостов, — что каждая из этих сменяющих одна другую задач внешней политики Советского государства говорила о стремлении к миру»³⁵. Как подчеркивает В. Г. Трухановский, «Ленин обосновал желательность для социалистического государства, чтобы сосуществование протекало в мирных формах и не прерывалось периодами вооруженной борьбы»³⁶. Мир был необходим Советскому государству для того, чтобы направить все силы на борьбу за построение социализма. В. И. Ленин еще в 1919 г. в упомянутом уже интервью Мак Брайду говорил: «Меня спрашивают нередко, правы ли те американцы, не рабочие только, но и главным образом буржуа, которые, относясь отрицательно к войне с Россией, ждут от нас, в случае заключения мира, не только возобновления торговых сношений с нами, но и возможности получения известных концессий в России. Я повторяю, что они правы. Прочный мир был бы таким облегчением положения трудящихся масс в России, что эти

нинской школы. Под общей редакцией и со вступительной статьей А. А. Громыко. М. 1973, стр. 9 и сл.

³³ A. L. Narotchnitzky. La Russie et l'Europe en 1918. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», janvier—mars 1969 (см. на русском языке: его же. Советская Россия и западные державы во время Компьенского перемирия. «Новая и новейшая история», 1969, № 2).

³⁴ См. «Архив полковника Хауза». Т. III. М. 1939, стр. 231.

³⁵ В. М. Хвостов. В. И. Ленин о принципах советской внешней политики. «Ленинская внешняя политика Советской страны. 1917—1924». М. 1969, стр. 17.

³⁶ В. Трухановский. В. И. Ленин об основных принципах советской внешней политики. «Коммунист», 1974, № 6, стр. 75.

массы, несомненно, согласились бы и на предоставление известных концессий»³⁷.

И, наконец, В. И. Ленин показал возможность отношений мирного сосуществования между капиталистическими и социалистическими государствами, несмотря на разделяющие их антагонистические противоречия. Полемизируя с «левыми коммунистами» в 1918 г., он писал: «Может быть,.. интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами?.. Неверность подобных взглядов... бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну»³⁸.

Важное значение имеет принципиальная классовая противоположность внешней политики социализма и политики империалистических держав, политики Советского Союза и политики царской, империалистической России. Защитники геополитических доктрин и другие западные авторы, исходя из своих несостоятельных позиций, тщетно пытаются изобразить советскую внешнюю политику продолжением внешней политики царской России, но не могут отрицать того, что Советское государство отвергло тайные договоры царского правительства о новых захватах, провозгласило Декрет о мире, отказалось от неравноправных договоров и колониальной экспансии, объявило о поддержке национально-освободительных движений. Разумеется, это не исключает того, что Советский Союз является правопреемником ряда договорных условий об отношениях России с ее соседями, но ни о какой преемственности по существу между внешней политикой СССР и царской России говорить не приходится. Имеет место коренная классовая противоположность между ними.

Одним из важнейших следствий Декрета о мире является пересмотр международных договоров, заключенных царским правительством. Вместе с тем в заключительном слове по Декрету о мире на II Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин подчеркивал, что «грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях... Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»³⁹. Об искреннем желании Советского государства сохранить добрососедские отношения со всеми окружающими его странами свидетельствуют неоднократные попытки Советской республики наладить экономические связи со всеми странами⁴⁰ и ее отношение к нейтральным государствам⁴¹.

Ярким проявлением проведения в жизнь этого принципа является политика молодого Советского государства относительно стран Востока⁴². Советское правительство аннулировало все тайные кабальные договоры, заключенные царским правительством. Однако в это число не входят те

³⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 197. См. также: М. И. Труш. Советская внешняя политика в Сочинениях Ленина, «Ленинская внешняя политика Советской страны», стр. 47.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 402.

³⁹ Там же, стр. 20.

⁴⁰ В. А. Шишкин. Указ. соч.; М. Е. Сонкин. Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917—1921 гг. М. 1964.

⁴¹ А. С. Кан. В. И. Ленин и нейтральные государства. «Ленинская внешняя политика Советской страны».

⁴² А. Н. Хейфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). М. 1964; его же. Советская дипломатия и народы Востока. 1921—1927. М. 1968.

соглашения и договоры о границах, которые не были неравноправными и отражали исторически сложившееся положение⁴³.

Все дальнейшее развитие теории и практики внешней политики КПСС и Советского государства явилось творческим приложением к действительности и разработкой ленинских идей защиты социалистического Отечества, социалистического интернационализма, мирного сосуществования и других выдвинутых В. И. Лениным положений. Их применением и конкретным обогащением были такие мероприятия Советского государства, как отпор интервентам и агрессорам, защита мира и равноправных взаимовыгодных экономических связей с капиталистическими странами, борьба против военной опасности и гонки вооружений, система двусторонних договоров о сотрудничестве и ненападении с рядом соседних государств, заключенных уже в 20-х годах, а затем выступившая на первый план в 1933—1939 гг. борьба Советского Союза за коллективную безопасность, против фашистской агрессии.

Победа во второй мировой войне и послевоенный период принесли новые подтверждения правильности и высокой эффективности ленинских теоретических и методологических основ анализа международных отношений и ленинских принципов внешней политики социализма. Этот период ознаменовался дальнейшим их применением и развитием в теории и практике советской внешней политики в условиях изменений в международной обстановке, вызванных образованием мировой системы социалистических государств, успехами их экономики, науки и техники, развитием национально-освободительного движения, обострением классовых противоречий в капиталистических странах, появлением новых, отсутствовавших ранее возможностей предотвращения новой мировой войны и мирного урегулирования международных конфликтов.

С упрочением и успехами Советского государства, естественно, возрастали и его влияние на международные отношения, а следовательно, и удельный вес всей международной сферы общественной жизни в процессе исторического развития. Глубочайшее воздействие на ход мировой истории имел решающий вклад Советского Союза в победу над фашизмом. Освободительные действия Красной Армии помогли народам стран Центральной и Юго-Восточной Европы свергнуть гнет империализма, ликвидировать пережитки феодализма, осуществить народно-демократические революции и приступить к строительству социализма. На исходе второй мировой войны ряд стран отпал от системы империализма. Образование мировой системы социализма содействовало краху колониализма и становлению новых национальных государств. Победа социализма в СССР и других странах позволила ряду отсталых стран избрать социалистическую ориентацию для своего развития. Способность империалистических стран к контрреволюционной интервенции, то есть к экспорту контрреволюции, еще может иногда сводить на нет или ослаблять шансы революции на победу и даже временно подавлять революцию, как это произошло в Гватемале или Чили, но в целом политика империалистической агрессии и экспорта контрреволюции уже во многом парализована, как показывает ход событий в Европе, на Кубе, Ближнем Востоке, во Вьетнаме и т. д. Успехи социализма произвели в международных отношениях радикальные перемены, ограничили сферу действия сил войны и агрессии, создали новые возможности предотвращения мировой войны с применением атомного оружия. Социалистические страны оказались в ряде случаев способными пресекать экспорт контрреволюции и эффек-

⁴³ Л. Бескровный, С. Тихвинский, В. Хвостов. К истории формирования русско-китайской границы. «Международная жизнь», 1972, № 6; Л. Г. Бескровный, А. Л. Нарочницкий. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке. «Вопросы истории», 1974, № 6.

тивно помогать успеху революции в техническом, экономическом и культурном отношении, как показывает опыт социалистической Кубы⁴⁴. Социализм внес свой богатый и самостоятельный вклад в международное право и дипломатию, их теорию и практику.

Исторически новая форма социалистических международных отношений на основе принципов социалистического интернационализма, взаимной помощи зародилась еще в виде отношений СССР и МНР после победы Великой Октябрьской социалистической революции; в результате создания мировой системы социализма этот новый тип международных отношений сложился между государствами социалистического содружества и продолжает совершенствоваться в ходе социалистической интеграции⁴⁵. Одновременно накапливается большой опыт и ведется теоретическая разработка проблем сотрудничества стран социалистического содружества с развивающимися государствами.

Крах атомной монополии США и их попыток построить международные отношения на политике атомного диктата, провал пресловутой доктрины «отбрасывания» коммунизма, неудача агрессии во Вьетнаме, возросшая в 60-х годах непопулярность пропаганды «всемирного государства» под эгидой США, которую пришлось свернуть, явились результатом роста сил социализма и подъема национально-освободительного движения. Одновременно это был и провал ряда теоретически и методологически необоснованных антисоветских концепций. Не оправдались прогнозы советологов «об эрозии» социализма. На смену авантюристической политике «с позиции силы» пришла реалистическая оценка международной обстановки наиболее дальновидными политическими деятелями таких стран современного капиталистического мира, как США, Франция, ФРГ, Англия, что выразилось в позитивных сдвигах в развитии советско-американских отношений, договорах и соглашениях ФРГ с СССР и другими социалистическими странами и в других фактах международной разрядки за последние годы, в частности в рекомендациях, принятых в Хельсинки на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. На этом совещании под отношения между государствами — его участниками подведена более солидная основа принципов мирного сосуществования, за которые, последовательно идя по ленинскому пути, борется советский народ во главе с КПСС. Выступая на этом совещании, Л. И. Брежнев подчеркнул, что «суммарный итог совещания состоит в том, что международная разрядка во все большем объеме наполняется конкретным материальным содержанием. Именно материализация разрядки — вот в чем суть дела, суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и незыблемым. И во главу угла мы ставим при этом задачу прекращения гонки вооружений, достижения реальных результатов в деле разоружения»⁴⁶.

Как известно, в последнее десятилетие в СССР и других странах социалистического содружества происходило дальнейшее развитие теории и практики ленинских принципов мирного сосуществования, борьбы за ограничение вооружений и за разоружение, принципов социалистического интернационализма, разрабатывалась проблема сочетания интернациональных и национальных интересов в политике стран социалистического содружества, была выработана и осуществляется Комплексная программа социалистической экономической интеграции стран — членов

⁴⁴ См. Н. Н. Иноземцев, В. И. Гантман, Д. Г. Томашевский, Р. И. Колосапов, В. А. Печенев. Проблемы теории международных отношений («Круглый стол»). «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 9.

⁴⁵ К. Ф. Капустин. Укрепление единства социалистических стран — закономерность развития мирового социализма. «Коммунист», 1973, № 16; Ш. П. Санакоев, Н. И. Капченко. Теория и практика внешней политики социализма. М. 1973.

⁴⁶ «Правда», 1. VIII. 1975.

СЭВ, дано было обоснование Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, и успешно проводится борьба за ее реализацию, обобщается опыт истории международных отношений⁴⁷. Все это — несомненные доказательства гибкости и творческого характера марксистско-ленинского подхода к истории и современной практике международных отношений, его неисчерпаемых возможностей в познании и активном преобразовании международной жизни в направлении мира и социального прогресса. Как бы ни старались некоторые пророки современной зарубежной политологии представить марксистов-ленинцев догматиками⁴⁸, им не уйти от указанных фактов и от краха своих прогнозов.

Можно задать вопрос, какие именно черты ленинской теории и практики в развитии внешней политики и международных отношений придали им такую жизненную силу, эффективность, политическую и научную плодотворность. Мы видим причины этого в том, что В. И. Ленин глубоко вскрыл действительные, реальные общие закономерности исторического процесса, и в частности развития международных отношений, что истинному духу марксизма-ленинизма свойствен не догматизм, а непрерывное обогащение теории, творческий подход к новым явлениям общественной жизни и что В. И. Ленин показал действительные, реальные пути победы социализма, исходя из всемирно-исторической роли рабочего класса.

Теоретическое исследование В. И. Лениным империализма как противоречивой, неустойчивой и шаткой системы, носящей в себе предпосылки социалистических и национально-освободительных, антиколониальных революций; анализ общего кризиса капитализма; выявление основных общих закономерностей революционного перехода от капитализма к социализму; оценка успехов социализма как определяющего фактора развития человечества; глубокое проникновение в классовую сущность и мотивы политики западных капиталистических государств, их взаимные противоречия; разработка основных принципов внешней политики социализма, воплотившихся в политике Советского Союза, а затем и других стран социалистического содружества, явились дальнейшим развитием и обогащением марксизма, показали его неисчерпаемые познавательные возможности и силу в применении к анализу новых явлений общественной жизни.

Ленинские идеи стали прочной теоретической и методологической основой исследования советскими учеными международных отношений новейшего времени. Диалектико-материалистический, можно с полным правом сказать, системный классовый подход В. И. Ленина к изучению

⁴⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Тт. 1—4. М. 1970—1974; его же. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М. 1973; его же. За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. Речь на Всемирном конгрессе миролюбивых сил. Москва. 26 октября 1973 г. М. 1974; М. А. Сулов. Избранное. Речи и статьи. М. 1972; его же. Марксизм-ленинизм — интернациональное учение рабочего класса. М. 1973; А. Н. Косыгин. Избранные речи и статьи. М. 1974; К. Ф. Катусhev. Указ. соч.; его же. Политика КПСС — ленинизм в действии. Доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 101-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. М. 1971; Б. Н. Пономарев. Ленинским курсом — к коммунизму. Доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 104-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. М. 1974; «История внешней политики СССР 1917—1970». В 2-х ч. Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева, В. М. Хвостова. М. 1966—1971; «История дипломатии». Тт. I—V; «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1960». Под ред. В. Г. Трухановского. Тт. 1—3. М. 1961—1964; «Дипломатия социализма». Предисл. А. А. Громыко. М. 1973; «Международные отношения после второй мировой войны». Под ред. Н. Н. Иноземцева. Тт. 1—2. М. 1962—1965; «В. И. Ленин и советская внешняя политика»; «Ленинская внешняя политика Советской страны»; Н. Н. Иноземцев. О новом этапе в развитии международных отношений. «Коммунист», 1973, № 13.

⁴⁸ См. например, Zb. Brzezinski. Between Two Ages: America in the Technetronic Era. N. Y. 1970, p. IX.

общественного развития дал возможность непрерывно и плодотворно применять и развивать ленинские принципы в теории и практике внешней политики Советского государства и в освещении всех процессов и явлений международной жизни. Марксистско-ленинский подход к международным отношениям дает наиболее надежную и широкую научную основу для использования всех самых новейших приемов количественного и качественного анализа этих отношений в исторических и прогнозистических исследованиях.

Сказанное совершенно не значит, однако, что советские ученые претендуют на всезнание и обладание волшебным ключом для решения всех вопросов, что они не видят множества нерешенных и постоянно возникающих новых задач исследования и не отдают себе отчета в значении дальнейшей разработки и систематизации теории и методологии изучения международных отношений. Необходимость в такой разработке теории и методики изучения международных отношений в настоящее время общепризнанна и в капиталистических и в социалистических странах, хотя, разумеется, имеют место коренные расхождения в исходных позициях, порождаемые отличиями в социальном строе. Острая потребность в такого рода работах ощущается все сильнее, и в Советском Союзе уже немало делается в этом направлении⁴⁹.

Эта потребность порождается усложнением и расширением взаимосвязей между народами современного мира, появлением все более обширной информации о международных отношениях и причинах, определяющих их развитие, использованием новых способов переработки этой информации, включая новейшие (так называемые модернистские) методы системного анализа, статистические и разные другие приемы математизации изучения явлений международной жизни, их количественного измерения и калькуляции в сочетании с качественным («традиционным») социологическим анализом.

Известно, что в последние десятилетия в условиях научно-технической революции особенно усилилось значение международного разделения труда, обмена достижениями науки и техники, перемещения капиталов, внешней торговли, процессов экономической и политической интеграции социалистических стран, развития интеграции на основе капиталистических монополий в Западной Европе и Америке, новых проявлений неравномерности развития современного монополистического капитализма и его общего кризиса как социальной структуры. Основное противоречие современной эпохи между двумя социальными системами—капитализмом и социализмом—проявляется в условиях все боль-

⁴⁹ Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин. Социология. Политика. Международные отношения. М. 1974; А. Воронов. Классовые основы внешней политики. «Международная жизнь», 1974, № 9; В. Гантман, А. Никонов, Д. Томашевский. Мировые войны XX века и диалектика истории. «Мировая экономика и международные отношения», 1964, №№ 8, 9; Г. Герасимов. Теория игр и международные отношения. «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 7; Дм. Ермоленко. Социология и некоторые проблемы международных отношений «Международная жизнь», 1968, № 8; его же. Социологические исследования и международные отношения. «Вопросы философии», 1971, № 1; Р. И. Косолапов. Международные отношения и социальный прогресс; Д. Б. Левин. Актуальные проблемы теории международного права. М. 1974; «Марксистско-ленинская методология военной истории». Под ред. П. А. Жилина. М. 1973; «Международные конфликты». Авт. колл. под ред. В. В. Журкина и Е. М. Примакова. М. 1972; А. Л. Нарочницкий. Внешняя политика СССР и проблемы европейской безопасности между двумя мировыми войнами. «Новая и новейшая история», 1974, № 5; Л. А. Петровская, С. А. Петровский. Теория игр и социология. «Вестник МГУ». Философия. 1968, № 4; «Проблемы теории международных отношений». Материалы «круглого стола» в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 1969, №№ 9, 11; Ш. П. Санакоев. Н. И. Капченко. Указ. соч.; Ш. Санакоев. Проблема соотношения сил в современном мире. «Международная жизнь», 1974, № 10; Г. Л. Смолян. Принципы исследования конфликта. «Вопросы философии», 1968, № 8; Д. Г. Томашевский. Указ. соч.; Г. Шахаров. К проблеме соотношения сил в мире. «Коммунист». 1974, № 3, и др.

шего вовлечения целых континентов и других обширных регионов мира в международное общение. Бурные успехи национально-освободительных движений, становление новых и развитие давно сложившихся национальных государств сочетаются с тенденцией ко все более широкой интернационализации хозяйственной, политической и общественной жизни. Значительно усложнились и расширились идеологическая борьба в международной жизни, взаимные связи и воздействия в области культуры между различными народами и государствами. В политических и общественных делах возросло влияние правительственных и неправительственных международных организаций, охвативших самые разнообразные сферы человеческой деятельности.

Усложнение и расширение международных отношений усиливают значение своевременного учета и прогнозирования тенденций их развития и калькуляции возрастающего риска в международных конфликтах при накоплении сверхмощных видов стратегического оружия. Естественно в этих условиях усиление интереса к созданию научных трудов, обобщающих и систематизирующих теорию и методологию изучения международных отношений, разрабатывающих и уточняющих понятийный аппарат, специальную методику исследования различных сторон и форм международных связей и противоречий. Обмен мнениями по этим вопросам между учеными стран с различными социальными системами при всем отличии исходных теоретических позиций является необходимым. В ряде случаев он, несомненно, может помочь правильному взаимному пониманию и выработке в той или иной мере согласованных подходов к научным и политическим проблемам.

По сравнению с «дипломатическими историями», сводившимися к пересказу разговоров и переписки дипломатов и глав государств, определенный шаг вперед представляет методология известного французского историка П. Ренувена и его учеников, прежде всего Ж.-Б. Дюрозеля⁵⁰. Для этого направления характерен учет влияния экономики, некоторых социальных и политических «групп давления», социальной психологии, общественного мнения и других условий на внешнюю политику. Однако и Ренуven и его последователи далеки от систематического анализа позиции общественных классов в международных вопросах. При раскрытии причин первой мировой войны у Ренувена полностью выпала роль капиталистических монополий.

Напротив, советской исторической школе присуще стремление всесторонне рассматривать внешнеполитические позиции господствующих и других классов общества, политических течений и партий, выяснять их воздействие на международные дела, учитывать общие и особенные черты развития каждой страны и ее внешней политики и т. д.⁵¹

Игнорирование социально-экономической (в конечном счете) обусловленности внешней политики и системы международных отношений ведет подчас к мистическим концепциям, уводящим в сторону от науки,— таковы попытки некоторых весьма эрудированных авторов (например, Г. Риттера)⁵² объяснить политику фашизма «роком», «демонией власти» Гитлера и тому подобными способами, возвращающими нас, к сожалению, к наименее плодотворным донаучным понятиям древнего

⁵⁰ P. Renouvin et J.-B. Duroselle. Introduction à l'histoire des relations internationales. P. 1964.

⁵¹ И. С. Галкин. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905—1912 гг. М. 1960; А. С. Ерусалимский. Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVIII—XIX вв. М. 1974; А. З. Манфред. Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М. 1952; А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М. 1956.

⁵² См., например, G. Ritter. Die Dämonie der Macht. 5. Aufl. Stuttgart. 1947; e jus d. Europa und die deutsche Frage. München. 1948; e jus d. Geschichte als Bildungsmacht. Ein Beitrag zur historisch-politischen Neubesinnung. 2. Aufl. Stuttgart. 1949, u. a.

мира и средневековья о «судьбе» и прямом вмешательстве бога и дьявола в ход истории. Примером поворота от науки к мистике служит и попытка такого корифея западной историографии, как А. Тойнби, искать спасение человечества в создании некоей «новой мировой религии», в смешанных браках (с целью уничтожения национальных различий) или даже в ликвидации государственного суверенитета и образования «всемирной федерации»⁵³. Это в своем роде логический исход прежних его идей о непреодолимой пропасти, разделяющей различные цивилизации: раз нет рациональных путей к взаимопониманию между ними, апелляция к мистической утопии вполне объяснима. Нельзя вместе с тем отрицать, что выдвинутое Тойнби понимание взаимодействий между различными обществами и их средой и между ними самими дало толчок некоторым плодотворным изысканиям. Рациональное зерно этих концепций наиболее полно может быть использовано в рамках марксистско-ленинской методологии истории.

В советской исторической литературе была подвергнута подробному разбору психофизиологическая неофрейдистская интерпретация истории вообще и международных отношений в частности — трактовка войн и насилия в истории как проявления подсознательных агрессивных инстинктов человека, «склонности» его к садизму или мазохизму и т. д. Историки-марксисты и советские психологи не разделяют концепций неофрейдизма. Они исходят из того факта, что в общественной жизни проявления психофизиологии людей ограничены и обусловлены социально-экономической и политической структурой общества и преломляются через нее⁵⁴. Неофрейдистский же, как и всякий другой чисто биологический подход лишь отвлекает внимание от классовых, социальных и политических корней реакционных режимов и насилия в истории.

В последнее десятилетие в ряде стран, особенно в США, развернулись исследования проблем мира и конфликтов с помощью набора теоретических и эмпирических методов, заимствованных из прикладной математики, экономических и других наук, и с использованием своеобразного «бихевиористского» подхода к действиям участников международных конфликтов. Зародилось это направление еще в 30-х—40-х годах, а с середины 60-х годов стало выступать с резкими нападками на «традиционный», «чисто качественный» анализ международных отношений как «спекулятивный» и «ненаучный»⁵⁵. Представители этого направления расширяют применение формализации и квантификации явлений международной жизни, то есть строят абстрактные модели и подыскивают количественные показатели для составных элементов изучаемых международных ситуаций. Некоторые «модернисты» выдвигают в качестве обязательного требования воспроизводимость исследовательских процедур и экспериментальную проверку, а все, что не удовлетворяет этим условиям, объявляют недостойным истинного «сциентизма», то есть лишенным научности⁵⁶. Сколько-нибудь полная реализация этих декларативных требований оказалась в общем невозможной. Учет только эмоционально-реактивного поведения действующих в конфликте сторон (личностей, групп, организаций или государств) даже некоторые теоретики «модернизма» признали недостаточным и стали призывать к квантификации «институциональных явлений» в структуре общества, его культуре и т. д.⁵⁷.

⁵³ А. Тойнби. *Experiences*. L. 1969, pp. 84, 262—263, 324, 328—333.

⁵⁴ В. И. Салов. Вторжение психоанализа в буржуазную историографию. «Новая и новейшая история», 1972, №4.

⁵⁵ С. А. Петровский, Л. А. Петровская. «Модернизм» против «традиционализма» в буржуазных исследованиях международных отношений. «Вопросы философии», 1974, № 2; В. Ф. Петровский. Новые тенденции в американских буржуазных концепциях международных отношений. «Новая и новейшая история», 1975, № 1.

⁵⁶ М. Карлан (ed.). *New Approaches to International Relations*. N. Y. 1968, и др.

⁵⁷ В. Ф. Петровский. Указ. соч., стр. 47.

Свою методику «модернисты» применяют больше не к истории, а к современности, к прогнозированию развития международных отношений и планированию внешней политики. Тем не менее историки не могут пройти мимо их построений, так как эти методы могут использоваться и в анализе истории международных отношений. Причиной повышенных претензий «модернистов», по-видимому, является неэффективность «традиционных» теоретических основ анализа международных отношений, применяемых западными учеными, и вытекающие отсюда неудачные прогнозы. Определенное влияние оказывают успехи методов точных наук в условиях научно-технической революции и вполне понятное желание распространить их на явления международной жизни⁵⁸. «Модернисты» широко используют различные приемы математической статистики, факторный анализ, имитационные модели, контент-анализ, теорию игр, математическую логику и даже иногда аппарат дифференциальных уравнений.

Разумеется, подробный анализ этих методов здесь невозможен. Огромную роль в их применении играют квантификация качественных свойств общественных явлений, не поддающихся прямому измерению, и самый выбор нужных параметров. Делаются попытки описать параметры государств как участников системы международных отношений и показать влияние этих параметров на соотношение внутри системы. Примером использования аппарата корреляций служит проект Д. Сингера, который выясняет корреляции признаков (параметров) войн с 1815 по 1945 г. и системы (дипломатических) отношений⁵⁹. Результаты подобных проектов, впрочем, весьма скудны и не могут особенно обрадовать историков. Имитационные модели составляются особенно часто для международных кризисов и конфликтных ситуаций⁶⁰ с целью проигрывания, иногда даже на электронно-вычислительных машинах. Одно время большое значение для анализа международных отношений придавалось математической теории игр, или рациональных решений, имеющей множество применений и в других областях. Однако надежды, возлагавшиеся на эту теорию, в общем не оправдались⁶¹.

Советские социологи также применяют формализацию и квантификацию явлений международной жизни и все шире стараются использовать средства прикладной математики. Однако у них не возникает желания противопоставлять эту методику «традиционному» марксистскому анализу. Причина этого заключается в высокой эффективности марксистско-ленинской теории и методологии международных отношений⁶². Советские ученые исходят из того, что наиболее правильный исходный выбор основных признаков (параметров) для описания международных отношений, их формализации, квантификации и изучения с помощью средств прикладной математики возможны именно лишь на базе всестороннего марксистско-ленинского классового анализа внешней политики отдельных государств и всей системы отношений между ними с учетом социальной структуры, политического режима и т. д.

Международный конфликт возникает из экономических, политических и идеологических противоречий, и его нельзя правильно формализ-

⁵⁸ «США: научно-техническая революция и тенденции внешней политики» (рук. авт. колл. Г. А. Арбатова). М. 1974.

⁵⁹ С. А. Петровский, Л. А. Петровская. «Модернизм» против «традиционализма» в буржуазных исследованиях международных отношений, стр. 38.

⁶⁰ В США проигрывались таким образом конфликтные ситуации в Юго-Восточной Азии и других районах мира (В. Ф. Петровский. Указ. соч., стр. 44).

⁶¹ См., например, С. Негт и П. Кризис in Foreign Policy. Princeton. 1969.

⁶² См. об этом: Д. Ермоленко. Социология и некоторые проблемы международных отношений; его же. Социологические исследования и международные отношения; Н. Устинов. Математические методы в исследовании международных отношений. «Международная жизнь», 1968, № 12.

зовать и квантифицировать его элементы без проникновения в существо этих противоречий. На базе анализа классовых социальных сил, которые участвуют в конфликте, только и возможно установить природу и характер конфликта, его источники, ступени и уровни его обострения⁶³, способы его решения или пути его предотвращения⁶⁴.

Для советских ученых формализация, квантификация и математические способы анализа моделей международных отношений не есть нечто противостоящее «традиционному» анализу, а дополнительное вспомогательное средство его уточнения и углубления. Марксистско-ленинская теория и методология международных отношений содержат в себе все возможности использования новейших методов прикладной математики с учетом социальной природы международных конфликтов. Квантификация возможностей и ресурсов сторон не может быть отделена от социально-экономического, политического, идеологического, военного и социально-психологического анализа, не может игнорировать качественные различия капитализма и социализма и упускать из виду основные силы современного революционного процесса. Вообще проблема моделирования, формализации и квантификации общественных явлений неразрешима без исходных философских, социально-экономических, политических и идеологических посылок⁶⁵. Мнения неопозитивистов, пытающихся объявить эти вопросы псевдопроблемами, возникшими из-за разного понимания одних и тех же слов,— не позиция ли это страуса, прячущего голову в песок?

Невозможность обойтись без исходного «традиционного» социологического анализа осознается и рядом западных авторов. Так, в некоторых западных теориях принятия внешнеполитических решений в США из общества вычленяются различные «верхние» элитарные группы, но при этом не учитывается влияние военно-промышленного комплекса капиталистических монополий, и картина остается неполной и неправильной⁶⁶. Тот факт, что в исходные данные для формализации международных конфликтов западные ученые нередко молчаливо «закладывают» разного рода ложные оценки и формулы вроде несостоятельного представления о социалистическом строе как «тоталитаризме», об «эрозии социализма», или его экономической «неэффективности», игнорирования капиталистических монополий, отрицания классовых противоречий, недооценки жизненной силы и возможностей социалистической системы, подъема национально-освободительного движения, уже привел к ряду неправильных прогнозов и к разыгрыванию совершенно неприменимых моделей конфликтов, например, в виде «игры с нулевой суммой», то есть с полным уничтожением противника без ущерба для самого себя. Крах расчетов американских «ястребов войны» на возможность уничтожения противника в ядерной войне без ответного удара вынудил перейти к поискам компромиссных, или «равновесных», то есть в целом взаимовыгодных, ситуаций и в игровой теории международных отношений. Известно и то, как обанкротилась пресловутая теория «эскалации» Г. Кана применительно к войне во Вьетнаме. США проиграли эту войну потому, что не учли потенции патриотической борьбы вьетнамского народа и помощи ему со стороны социалистических стран. Между тем подобного рода сомнительными расчетами занимались и занимаются в США множество корпораций и сотни ученых.

⁶³ Разногласия, трения, напряжение, разрыв дипломатических отношений, война и т. д.

⁶⁴ Д. Ермоленко. Социология и некоторые проблемы международных отношений, стр. 68.

⁶⁵ Н. Н. Воробьев. Некоторые методологические проблемы теории игр. «Вопросы философии», 1966, № 1; Н. Устинов. Указ. соч.

⁶⁶ К. W. Deutsch. The Analysis of International Relations. Englewood Cliffs. 1968.

К сожалению, есть попытки строить модели будущего развития международных отношений, устрояя СССР из европейского коллективного урегулирования⁶⁷. Авторам таких попыток явно не хватает чувства реальности⁶⁸. Не лучше ли совместно заниматься построением моделей мирного сосуществования государств с различным социальным строем, разрядки, безопасности и международного сотрудничества для всего современного мира и отдельных его регионов? Не перспективнее ли путь «к периоду все более устойчивого мирного сосуществования, разумного, на основе взаимной выгоды и равной безопасности, миролюбивого сотрудничества социалистических и капиталистических государств»?⁶⁹. Шаги в этом направлении необходимо приветствовать. За последние годы можно отметить полезные инициативы не только советских ученых, но и ряда научных центров, в частности в ФРГ, по установлению контактов с советскими исследователями и Международным институтом мира в Вене с целью изучения проблем мира и конфликтов⁷⁰. Обмен мнениями по этим вопросам между учеными стран с различным социальным строем является полезным и плодотворным.

⁶⁷ «Alternativen für Europe. Modelle möglicher Entwicklungen in den sibziger Jahren. «Europa-Archiv», Folge 23, 1968, S. 851—864.

⁶⁸ В. Размеров. Политическое моделирование в Западной Европе. «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 11.

⁶⁹ Речь Л. И. Брежнева на торжественном собрании в Большом Кремлевском дворце 11 июля 1973 г., посвященном вручению ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». «Правда», 12.VII.1973.

⁷⁰ Можно упомянуть в этой связи Гессенский центр (фонд) по исследованию мира и конфликтов (Hessische Stiftung Friedens- und Konfliktforschung. Frankfurt am Main. BRD); Комитет по исследованию проблем мира и конфликтов в Бонне (Arbeitsgemeinschaft für Friedens- und Konfliktforschung. Bonn. BRD); Объединение немецких ученых — Рабочий комитет по исследованию проблем мира (Vereinigung Deutscher Wissenschaftler—Arbeitskreis Friedensforschung. Hamburg. BRD); Институт политики и экономики, Хаус Риссен (Institut für Politik und Wirtschaft, Haus Rissen. Hamburg. BRD); Германское общество по исследованию проблем мира и конфликтов (Deutsche Gesellschaft für Friedens- und Konfliktforschung. Bonn. BRD); Институт Макса Планка по исследованию жизненных условий научно-технического мира (Max Planck-Institut zur Erforschung der Lebensbedingungen der wissenschaftlich-technischen Welt. Starnberg).